

Катись горошком

Укатила барыня, командирова жена, на живолечебные воды, на Кавказ. Остался муж ейный, эскадронный командир, в дому один. Человек уж не молодой, сивый, хоша и крепкий: спотыкачу в один раз рюмок по двадцати охватывал. Только расположился на полной свободе развернуться, от бабьего гомону передохнуть, глядь-поглядь на двор барынина мамаша на пароконном извозчике вкатывает. Перья на шляпке лопухом, скрозь вуальку глазищами, словно вурдалак, так и лупает. Барыня ей, стало быть, секретный наказ послала: "Приезжай, последи за моим сахарным. А то без меня дисциплину забудет, - либо обопьется, либо с арфянками загуляет. В дом наведет, из приданных моих чашек лакать будут". Отдохнул, значит!

Высадил он мамашу, грузную старушку, ус прикрутил, глаза вбок отвел и под ручку ее на крыльцо поволок. - "Прошу покорно, заждались! Эй, Митька, тащи чемоданы, дорогая мамаша приехамши, - крыса ей за пазуху!"

И хошь бы одна заявила: пса с собой привезла закадычного. Голландской работы по прозвищу мопс Кушка. Личность вроде, как у ей самой, только помельче.

Отвели ей с псом самолучший покой. Расположились, квохчут. Не поймешь, кто с кем разговаривает: барыня ли с собачкой, собачка ли с барыней.

Ходит ротмистр округ стола, шпорами побрякивает, ус книзу тянет. Кипит. Денщика кликнул.

- Продышаться пойду... Какие мамашины приказания будут по буфетной части, сполняй. А ежели она начнет под меня подкоп домашний рыть, выпрашивать, - смотри у меня, Митрий!

- Слушаюсь, ваше высокородие! Промеж дверей пальцев не положу.

Денщик, что ж, - человек казенный. Самовар раздул, мягкие закуски для старой барыни на стол шваркнул. В чашку надышал, утиральником вытер, из варенья муху горсткой выудил, обсосал, - дело свое знает.

Отдохнула старушка. В столовую вкатывается, коленкор ейный гремит, будто кровельщик по крыше ходит. Сзади Кушка хрипит, по сторонам, падаль, озирается, собачью ревизию наводит.

Заварила она чаю, половину топленых сливок себе в чашку ухнула, половину Кушке. Голландской работы собачка простого молочка не трескает. Денщик Митька стоит у окна, мух на стекле подавливает, ждет, чего дальше будет.

Старушка на блюдечко дует, невинную речь заводит:

- Что ж ты, друг ананасный, барином своим доволен?

- Так точно! Командир натуральный. Дай Бог каждому!

- Гости у вас часто бывают?

- Батюшка полковой заворачивает. Странники кое-когда, проходящие... Хозяин дома вчерась водопровод проверять приходил. Крантик у нас ослабемши...

- Так! Выпивает командир с ними, что ли?

- Не без того, выпивают-с. Клюквенный квас у нас отменный после барыни остался.

- Квас, говоришь?.. Ну, а сам он куда отлучается, не примечал ли?

- Примечал, как же-с. В манеж ездят на занятия. В бане третьего дня парились. В парикмахерскую завсегда ходят. Волос у них жесткий, - дома не бреются...

- Так-так. На словах твоих хоть выпипись... Ну, а где ж он обедает без барыни? В собрание ходит?

- Никак нет. Я им кой-чего стряпаю. По средам-пятницам - рыбка. А так - либо каклеты, либо телятина под безшинелью.

Вскинула барынина мамаша глазки: из блохи, мол, шубу кроишь, да мне не по мерке.

- Вечерами что ж твой барин делает?

- Псалтирь читают. Другие господа на биллиардах, а они все псалтирь... Либо по тюлю крестиками вышивают.

Харкнула старушка со злости. Ишь, охальник, - руки по швам, язык штопором.

- Кушку моего на променад поведешь. Что сливы-то выпучил? Он уличное гулянье обожает... Через улицу смотри на руках переноси, - извозчики у вас аспиды. Ты мне за него головой отвечаешь!

- Слушаюсь, сударыня. Собачка первоклассная, отчего ж не ответить... Только для вас спокойнее, чтобы я со двора не отлучался.

- Патрет я с тебя писать буду, что ли?

- Никак нет. Не извольте беспокоиться... А только на прошлой неделе жулики тут у соседей шарили. Ваших, примерно, лет невинной старушке в русской печке пятки прижгли и ограбили. Вам в случае чего помирать - раз плюнуть, а мне и за вас, и за Кушку отвечать... Больно много наваливаете.

Испужалась она, завякала:

- Ах, страсти какие! Сиди уж лучше на кухне. Кушку я из окна на веревочке по двору вывожу... Матушки-батюшки, город-то у вас какой окаянный!

Денщик руками за спиной поиграл. Кто не слукавит, того баба задавит. Ишь ты, мымра, чего придумала! Чтоб все встречные драгуны да горничные задразнили... "С повышеньцем вас, Дмитрий Иванович! В собачьи мамки изволили заделаться"...

Заварила барынина мамаша кашу - ложка колом встанет. Куды командир, туда и она, самотеком. Новоселье ли у кого, орденки ли вспрыскивают, все ей неймется. Не с тем, мол, приехала, чтобы пальцы на ногах пересчитывать... Мантильку свою черного стекляруса вскинет, да так летучей мышью рядом и перепархивает с мостков на мостки. Резвость двужилую обнаружила, - злость кость движет, подол помелом развевает.

Сдаст ее командир в гостях хозяевам на руки, сам в дальнюю комнатку продерется - по графинам пройти, в банчок перекинуться, либо дамочку встречную легким словом зарумянить - а старушка контрольная тут как тут. Карты из рук валятся, водка мимо рта льется. Шершавость у ней в глазах такая была непереносная. Прямо, как скаженный он стал. А не брать нельзя, в чулан мамашу не спрячешь. Жалованье командирское известное: на табак, да на щи. Способия она ему из пензенского имения высылала - то мундир обновить, то должок заплатить, то копченого-соленого с полвагона. Отянешь ее за хвост, - банку мухоморов пришлет, прощай зятек, постучи о пенек...

И денщику тошно. Известно, барину туго - слуга в затылке скребет. Принесешь - криво, унесешь - косо. Хоть на карачках ходи. Да и Кушка-пес одолевать стал. Небельные ножки с одинокой скуки грызть начал, гад курносый. Денщику взбучка, а пес в углу зубы скалит, смеется - на него и моль не сядет, собачка превелегерованная. Ладно, думает Митрий. ПопадетсЯ быстрая вошка на гребешок. Дай срок!

Поводил-покрутил командир мамашу, как кобылу на корде, неумоготу ему стало. Стал дома рейтузы просиживать. Придет с манежа, чай пьет, бублик промеж пальцев на пол крошит, приказы прошлогодние с досады читает. А она супротив. Как ячмень на глазу. Лопочет, разливается. Разговорная машинка у нее лихо работала. Хошь не отвечай, хошь на крыльцо выйди на луну сплунуть, она знай жернов о жернов точит. Почему попадаья перестала в баню ходить, да сколько ветеринар лошадиного спирта незаконно вылакал, да к какой гувернантке корнет Пафнутьев на будущей неделе в окно лезть собирается... Командир аж побуреет. "Угу" да "угу", - только и ответов.

Дошло и до денщика. Раз барин дома сидеть стал, ей не страшно насчет жуликов, которые в печке невинных старушек жгут.

- Ступай, ступай, - говорит, - Митрий! Кушку моего по улицам выводи. Что ж ты его все по двору таскаешь. Этак ты его до водяного ожирения доведешь...

Насупился Митрий, стакан, который мыл, в руках у него хряснул. Ужели от срамоты этакой так и не отвертеться?

Пошел на кухню, покрутился там, вертается веселый с ремешком энтим кобельковым. "Пожалуйте на променаж, прошу вас покорно!" На сахарок Кушку в переднюю выманил... Однако слышит - рычит Кушка, упирается, аж дверь трясется. Что такое?!

- Не хотят на улицу. Прямо морду ему чуть не оторвал. Изволят упираться...

Попробовала старушка: может, денщик-черт нарочно ожерелок потуже затянул? Грех клепать! Все как следует. Потянула: за ней идет, похрюкивает, животом пол метет. За Митрием - ни с места! Лапы распялит, башкой мотает, будто его в прорубь водяному на закуску тащат.

Глянул ротмистр, задумался. Ведь вот денщику судьба послабление какое сделала. А мамаша-то пензенская сидит, как приклеенная. Не вырывается...

Дальше да больше. Дарья кухарка, через забор жила, кой-когда к денщику забегала - часы в темном углу проверить, мало ли дел по соседству. Известно: стар хочет спать, а молодые играть. Уследила барынина мамаша, на дыбы стала. "Ступай, ступай, шлендра! Подол в зубки, кругом марш!.. Нечего чужие сени боками засаливать"... И в сахарнице с той поры куски пересчитывать стала. Денщик только серьгой потряхивает, дюже его забрало. Барин, бывало, придет из собрания через край хлебнувши, сам себя не видит, В карты ему случаем пофартит, червонцы из кармана на стол брякнут, - не считано, не меряно. Никогда Митрий дырявой полушкой не попользовался. А тут, накося, - сахар!.. Присыпала перцу к солдатскому сердцу.

Ладно. Стала она по иному со скуки выкомаривать, откуль что берется. Сидит она вечером, на блюдечко толстой губой дует, самовар попискивает. Ротмистр из спичек виселицу строит: кому неизвестно.

- Что-й-то, - говорит старушка, - двери у нас скрипят нынче. К дождю это бесприменно. Смажь, Митрий, маслом, - мне завтра в гостиные ряды идти, ужель мокнуть.

Денщик человек казенный. Смазал. Язык бы ей смазать, авось бы тож прояснило.

А она наддает:

- Ты, Митрий, вчера опять каклетки оставшие с буфета не убрал?

- Виноват. Тараканов на кухне морил, запоматовал.

- Виноват... А знаешь ты, что это означает? Если мышь неубранное после ужина поест, у хозяина зубы разболятся.

Ротмистр под столом шпорами: дзык.

- Чепуха это, мамаша. На нетовую нитку бабьи вздохи нанизаны.

Старушка указательной косточкой по столу постучала.

- Скаль зубы! Конечно, есть приметы сырые: нос чешется, - в рюмку глядеть. Другие ротмистры и без этого выпивают... Наши пензенские приметы тонкие, со всех сторон обточены. Не соврут... Скажем - конь ржет, всякий дурак знает - к добру. А вот ежели вороной жеребец в полночь на конюшне заржет - беда! Пожара в этом доме в ту же ночь жди. Хоть в шубе-калошах спать ложись.

Денщик к стенке отвернулся, сухую ложку мокрым полотенцем трет, плечики у него так и ходят... Старушка серку в ухе поковыряла и опять свой варганчик завела.

- Либо поп дорогу перейдет, - отплеваться завсегда можно. А ежели он, мимо перешедши, остановится, да табачку из табакерки хватит, да, не приведи Господи, чертыхнется, - уж тому черной оспы не миновать. Я батюшек знакомых, которые нюхающие, за полверсты завсегда обхожу... Опять же собака воет. Случай серый. В какую сторону воет, вот в чем аллигория. На север - неблагополучные роды; на юг - потолок на тебя завалится; на восток - от грыжи помрешь; а коли на запад - молоко тебе в голову бесприменно бросится. Приметы без промаху!

Командир виселицу свою спичечную раскидал, встал из-за стола, ноги ножницами раззявил. Голос мягкий, а под ним так смола и пробивается.

- Вы бы, мамаша, Кушку своего отравили, что ли. Больно много от него, стервы, опасностей. Это ж все равно, что на ручных гранах польку плясать. Спокойной ночи. Пока молоко в голову не бросилось, пойду пасьянц Наполеонову могилу перед сном разложу.

Смолчала старушка. Драгунский обычай известный: все смешки. Погоди, Изюм Марцыпанович, с судьбой шутить, не барьеры брать...

А Митрий, - у буфета он все кружился, - этаким сладким кренделем подкатывается:

- Оно точно-с. Которые благородные, сумлеваются. Мужичий пустобрех! А я верю-с. У нас тоже свои приметы имеются, орловские. Выдающие...

- Расскажи, дружок, расскажи. Пирожок, который оставши, можешь себе взять...

- Покорнейше благодарим, закусимши уже. Ежели к примеру пробка в графин не тем концом воткнута, значит, гость в доме загостился, пора ему, значит, на легком катере к себе собираться.

Глянула она на графин, - поперхнулась, аж глаза побелели.

- Пошел вон, глуздырь! Скажу вот завтра командиру, чтоб тебя на хлеб на воду посадить за приметы твои дурацкие...

Пробку, как следует, перевернула, сахарницу в буфет замкнула, и поплелась к себе с Кушкой на покой - в сонное царство, перинное государство.

Ровно в полночь заржал на конюшне вороной жеребец. Прокинулась барынина мамаша, свет вздула, да к командировым дверям:

- Вставай, зять! Пожар!

- Дед бабу рожал... В чем дело, мамаша?

- Жеребец твой ржет вороной. Слышишь?

- Не перекрашивать же из-за вас. Я во сне с городским головой пунш пил, а теперь он без меня все высосет. Беспокойная вы старушка...

Денщик тут же стоит, свечку держит, будто ружье на-караул. Какой там сон! Белая кофта по бокам вьется - чистый саван. Бумажки в волосах рыбками прыгают. А жеребец так и заливается. Ужаси-то какие!

- Дом-то у тебя хоть застрахован?

Вздохнул ротмистр: по ком этот вздох, тот бы в щепку изсох... И пошел к себе досыпать. Авось городской голова не все выпил.

А мамаша чулки-мантильку надела и до белой зари на сундучке подремала, - либо в эту ночь, либо в будущую непременно гореть придется. До утра обошлось, ничего.

А утром еще злее беда накатила. Повела она Кушку на променаж, - с денщиком ни по чем не шел, - трах, у самой калитки батюшка в трех шагах поперек прошелестел. Остановился, табачку из табакерки хватил, да как чертыхнется: "Экий дьявольский ветер, половину табакерки выдул, бес его забодай!"

Вернулась старушка, гайки у нее развинтились, по перильцам кое-как подтянулась. Взошла в столовую, шатается. Ротмистр к ручке, а она в кресло так студнем и осела.

- Что еще такое?!

- Ох, друг... Накликала на свою голову. Поперечный поп, табак нюхавши, чертыхнулся... Кушку моего тебе завещаю. Имение - дочке. Не подходи, не подходи лучше, я теперь вроде как в карантине. Черной воспы не миновать!

Подивился ротмистр. Жилка у нее на шее бьется, глаза мутные. Одурела что ли мамаша?.. Да и впрямь чудно.

Как по расписанию все выходит. Махнул перчаткой, шашку подтянул, - "дзык-дзык", на коня сел и в манеж.

Денщик полоскательной чашкой постукивает, хрустальный стакан в руках пищит. Человек казенный, ему это все без надобности. Мало ли делов?.. Часы на стене, - время на спине.

Не пила она, не ела целый день. Все пронзительную соль с пробки нюхала, да капустные листья к голове прикладывала. Сахар-провизию, однако, пересчитала, что следует выдала - и на ключ.

Вечером сидит командир один: полстакана чаю, пол - рома. Мушки перепархивают. Тишина кругом. Будто старушку огуречным рассолом залило. В задумчивости он пришел, в полсвиста походный марш высвистывает. Таракан через мизинный перстень рысью перебежал: - что оно по пензенским приметам означает: чирий на лопатке вскочит, альбо денежное письмо получать? Тьфу, до чего мамаша голову задурила!

И вдруг, братцы мои милые, как взвоят Кушка в старушкиной спальне... Чисто гудок паровозный. Выскочила старушка в чем была, шерсть на ей дыбом, да к командиру:

- Куда окно-то мое выходит?!

- На север, мамаша... Так она и присела:

- Да что же это за напасть такая. Неблагополучные роды? Это у меня-то? У вдовой старухи?!

- Что ж вы ко мне привязамшись? С Кушки вашего и спрашивайте.

Денщик в дверях стоит, мнется. Почесал в затылке - и за дверь.

Взвыл Кушка еще пуще. Кинулась она в спальню.

- На юг вое!..

- Это что ж, мамаша, по вашему прискуранту выходит?

- Потолок завалится... Матушки!.. Выноси, Митрий, вещи, у меня уже с утра уложены. Часу здесь не останусь!

- Да что же вы, мамаша, в своем ли уме? Потолок дубовый, хоть слонам по ему ходить. Бросили бы...

- Нет, зятек, я-то в своем уме, а вот ты попрыгай.

Жеребец вороной ржал, поп чертыхался, да еще Кушка подбавил... Чичас к ночному поезду коляску подавай. Пемирать, так уж на своих пуховиках...

- Я, мамаша, вашему комфорту не препятствую, - а только, может, приметы ваши пензенские в нашей губернии не действуют?

- Шутить вздумал? Молебен дома отслужу, авось рассосется. Эва, сколько на одну женщину наворочено. Митрий!

Денщик тут как тут. Человек казенный. На барина смотрит: как, мол, прикажете?

- Что ж, закладывай. Действительно, странно что-то одно к другому приторочено.

Митрий за вещи, старушка за Кушку, - ротмистр на ходу ее в плечо чмокнул. Катись горошком!

Гитары бренчат, стаканы звенят, полон дом гостей, - праздник у ротмистра. За вороного жеребца пили, за ветер, который у скоропроходящего батюшки табак из табакерки выдул, за голландской работы собачку Кушку. Дивятся некоторые, руками разводят. Как все, мол, ладно вышло: сама себя пензенская мамаша легким одуванчиком вышибла. Головы ломают, случаи разные рассказывают, один другого мудренее.

У кого петух в усадьбе все головой тряс, пока воры кладовую не взломали. Тогда и прекратил. Цыганке одной мышь попала за пазуху, - недели не прошло, струна на гитаре лопнула, да ее по глазу. А у свояченицы городского головы родинка была мышастая на том месте, что самой не видно, - к добру это... Вот она пятьдесят тысяч, как одну копеечку, и выиграла на свой внутренний билет. Поди ж...

Командир только головой вертит: бабьи побрехушки... Глянул он невзначай на денщика, - стоит стаканы вытирает, глаза щелками лучатся, вот так к ушам и тянется. Как есть лиса в драгунской форме.

- Поди-ка, Митька, сюда, поди! Ты что ж это в тряпочку пофыркиваешь? Уж не ты ли, хлюст, тут волшебствами этими жеребьячими занимался?..

Молчит Митрий, глаза пучит.

- Говори, черт, не бойся. Я сегодня добрый. Почему Кушка с тобой на улицу гулять не шел? Ась?

- Обидно уж больно, ваше высокоблагородие. Командир полка встренется, во фронт стать надо... А тут мопса у тебя на шпоре сидит. Опять же куфарки задразнят.

- Ты тут не таранти! Гни так, чтобы гнулось, а не так, чтобы лопнуло...

- Так точно! Каблуки я нашатырной водкой натер. Чуть энтого Кушку к каблуку на ремешке притянешь, так он на задок и садится, голосом голосит. Ни одна собачка не вытерпит.

- А жеребец почему ржал? Соли ты ему на хвост посыпал?

- Потому, ваше скородие, забрало меня дуже. Командир в доме один, а тут они, на нас верхом семши, сахарницу стали запирать!..

- Ты про сахарницу брось. Говори да откусывай!

- Да как же ему не ржать, ежели в полночь вестовой корнета Пафнутьева по уговору кобылу их благородия к нашей конюшне к самой отдушине подвел.

- Шпингалет ты, я вижу... А батюшку ты как же ей подсунул?

- Никак нет! Дарья-куфарка отца дьякона подрясник с веревки сняла, - проветривался он. Шляпу ихнюю нахлобучила, бороду мы, извините, из вашей заячьей рукавицы приладили. И того... чертыхнулась Дарья... действительно. Голос у нее толстый!

Гости кольцом стянулись, смеются. Командир глазами поблескивает. Не нагорит, значит.

- А с собачкой чего проще. Я округ барыниной спальни над плинтусом внизу по стенкам балалаечную струнку приспособил, коробок от ваксы к ей подвесил. За веревку дернешь, коробок тихим манером и дзыкнет, с которой стороны требуется. Цельный день Кушку на конюшне репертил, пока он выть не стал под эту музыку. Собачка музыкальная. Только, ваше скородие, прошу прощения - промашку я дал спервоначалу: на север, это точно выть бы не следовало. Неудобно-с вышло.

Гости аж присядают, до того им понравилось. Налил командир полную стопку рома, поднес Митрию.

- Пей, бес! На этот раз прощаю. Вот только мамашу огорчил уж очень, сна ее надолго теперь лишил. Шутка ли сказать, приметы какие к ней прикручены...

- Никак нет! Не извольте беспокоиться: потолок и пожар при нас останутся. А насчет черной оспы я им средство на вокзале дал: ежели они мозоль с кушкиной пятки вырежут и в полночь его натошак съедят, никакая их воспа не возьмет...

Зареготали гости. Командир в ус ухмыльнулся:

- И что ж, поверила?

- Так точно! Полтинничек на чай дали-с. Ужли нашему орловскому способу ихней пензенской приметы не перешибить?